

Виталий Новиков

**ВРАГ ТВОЙ, ДРУГ
ТВОЙ**

роман

Виталий Новиков

Враг твой, друг твой. Роман

«Издательские решения»

Новиков В.

Враг твой, друг твой. Роман / В. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749226-7

Наталья Николаевна Краснова — красивая статная женщина тридцати лет от роду — неожиданно получает наследство от неведомого родственника.

ISBN 978-5-44-749226-7

© Новиков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Урок любви	6
Глава 2. Поклонник	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Враг твой, друг твой

Роман

Виталий Новиков

© Виталий Новиков, 2016

ISBN 978-5-4474-9226-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Урок любви

Наталья Николаевна Краснова красивая статная женщина тридцати лет от роду, как обычно в девять ноль ноль, почти секунда в секунду вошла в свой рабочий кабинет. Её внимание сразу же привлёк большой конверт на столе. На её столе всегда царил идеальный порядок, и посторонний предмет на нём никак не мог оказаться. Тем не менее, то чего не должно было случиться, произошло.

Наталья села в крутящееся кресло и взяла конверт. В адресате было указано место её работы, её фамилия и инициалы, а в отправителе адрес какой-то юридической конторы «Козерог». Наталья небрежно вскрыла конверт и извлекла из него лист. Как оказалось, это было свидетельство о наследстве. В свидетельстве говорилось, что Наталья с 4 октября 2004 года получала права на владение домом, принадлежащего ранее некоему Велизару Петровичу Крылову. Кто это такой она узнала, прочитав текст свидетельства далее; а далее упоминалось довольно скупо без подробностей, что Велизар Петрович Крылов приходился Наталье троюродным дядюшкой по маминой линии. В свидетельстве указывалось именно: приходился. Что это значило? Троюродный дядюшка умер, или всё же жив, и просто решил поделиться своими богатства с дальней родственницей? Свидетельство не давало ответа на этот вопрос. Что представлял собой дом, также было непонятно; указывался лишь его метраж – сто четырнадцать квадратных метров, площадь участка – тридцать соток, и адрес: область, пятьдесят с лишним километров по Рижскому шоссе и так далее.

Наталья никогда не слышала о троюродном дядюшке Велизаре Крылове, и не знала ни одного своего родственника с такой фамилией. Уж не розыгрыш ли всё это? Откуда вообще взялся на столе этот конверт? Вероятно, его могла принести секретарь. У неё есть ключи от кабинета. Секретарь работает с семи с половиной часов, вот и занесла, видимо, чтобы не забыть потом; так как обычно после девяти в офисе начинается суматоха, и секретари с трудом справляются со своими обязанностями. Леночка – секретарь отдела, которым руководила Наталья, частенько забывала во время передавать ей нужные документы. Давно пора её уволить. Кстати можно позвонить в этот «Козерог», его телефон указан на конверте. Впрочем, не будет ли это глупо? Телефон могли указать какого-нибудь сантехника дяди Вани или сотрудника фирмы. И вообще существует ли этот «Козерог»? Нет, надо сначала позвать Леночку. Наталья нажала нужную кнопку на телефоне и включила громкую связь.

– Да Наталья Николаевна, – динамик ответил испуганным с оттенком виноватости голосом Леночки.

Людей с такими голосами очень трудно уволить с работы.

– Зайди.

Дверь приоткрылась и в кабинет заглянула худенькая девица двадцати лет от роду, блондинка с замысловатой причёской и птичьим лицом. Однако строгий серый костюм приходился ей к лицу, если не сказать, делал её даже почти что привлекательной.

– Да Наталья Николаевна.

– Откуда?

Наталья показала конверт.

– Курьер принёс.

– Ясно.

– Что-нибудь ещё?

– Пока нет, ступай, работай.

Леночка исчезла.

Так. Курьер тоже мог быть подставой. Может плюнуть на всё и позвонить в этот «Козерог». Впрочем, нет. Не хотелось предстать лохушкой в глазах коллектива. Нужно знать себе цену.

Наталья вновь нажала на телефоне кнопку секретаря и включила громкую связь.

– Зайди.

Леночка зашла в кабинет с огромной противно-лимонного цвета папкой под мышкой.

– Лен, у нас есть кто-нибудь свободный из рядовых сотрудников?

– Сейчас посмотрю. А для какого дела?

– Это неважно. Выбери, пожалуйста, из самой мелюзги кого-нибудь.

– Хорошо.

Леночка испарилась.

Вскоре она позвонила.

Наталья сняла трубку.

– Есть один свободный субъект, зовут Тарас Одинцов.

– Кажется, я его знаю. Дай мне его краткую характеристику.

– Скучающий отрок тридцати шести или тридцати семи лет от роду, ленивый и вялый, но исполнительный сотрудник.

– Прекрасно. Чем он занимается?

– Выносит мусор; ходит за обедами, когда просят; кормит хомячков шефа; иногда, когда нет уборщицы, убирает и моет офис.

– Замечательно, гони его ко мне.

Одинцов появился только через пять минут, в ожидании которого Наталья то и дело поглядывала на дорогие золотые наручные часы и недовольно кивала головой, ругая про себя Одинцова и Леночку.

– Вызывали, – в кабинет вальяжно, вразвалочку, держа руки в карманах, вошёл Одинцов. Он был одет в чёрный свитер с капюшоном и серые джинсы, а обут в видавшие виды кеды. Несколько взлохмаченная пегая шевелюра, небритая физиономия, простое лицо, серые глаза. Таким предстал Одинцов перед руководителем отдела.

– А я тебя не таким представляла.

Одинцов пожал плечами: что ж теперь поделаешь, не таким так не таким.

– Говорят, Одинцов, вы – ленивый и вялый сотрудник.

– Злые языки есть везде.

– При этом отмечают вашу исполнительность.

Одинцов пожал плечами: отмечают, не отмечают, мне наплевать на эти отчисления.

– Я хочу, чтобы вы съездили в одно место, адрес я сейчас напишу и... и узнали действительно ли там находится юридическая контора «Козерог».

Наталья переписала с конверта на листочек адрес «Козерога».

– И всё?

– У вас есть сотовый телефон?

– Нет.

– Тогда, если по этому адресу вы попадёте именно в «Козерог», попросите, чтобы вам дали позвонить, позвоните мне оттуда; свой рабочий телефон я запишу здесь же.

Наталья протянула Одинцову листочек с адресом «Козерога» и её рабочим телефоном.

– И ещё у меня будет к вам просьба, даже не просьба, а почти приказ. О том, что я вам поручила, никто не должен знать. Никто. Вы, умеете держать язык за зубами?

– Да.

– Вот и замечательно.

– Я могу идти?

– Идите.

Одинцов вышел из офиса. За ним закрылась массивная металлическая дверь, рядом с которой висела табличка с надписью «Империя спорта». «Империя спорта» занимала третью часть четвёртого этажа пятиэтажного здания, в котором раньше находилось НИИ астрофизики и астродинамики. На крыше бывшего НИИ грустно глядел в небо большой телескоп. Старожилов владелец банка «Кентавр», занимавшего весь пятый этаж здания, оставил телескоп на своём месте, и даже устроил свой кабинет в помещении, где находилась нижняя часть телескопа. Иногда он позволял своим гостям смотреть в телескоп на звёзды и Луну в знак хорошего к ним расположения. Как бывший завхоз НИИ астрофизики и астродинамики, от которого остались лишь одни воспоминания, Старожилов стал богачом и банкиром, знали немногие. Тарас Одинцов об этом не знал, да и не хотел знать. Он знал только то, что ему положено было знать; знал, что Старожилов является владельцем банка «Кентавр» и всего здания бывшего НИИ.

Одинцов вышел на широкую высокую площадку со многими ступенями перед зданием. Около выхода курили и показывали друг другу картинки в мобильных телефонах двое крепкой охранников в бежевых рубашках и белых галстуках. Старожилов больше всего любил бежевый и белый цвета. Бейджики с надписями «Кентавр-секьюрити» и именем охранника указывали, на кого работали эти два молодых, счастливых, не обременённых физическим и умственным трудом человека.

Одинцов прикинул в уме, сколько времени займёт путь до «Козерога» и обратно. По его грубым подсчётам выходило два-два с половиной часа не более. До двенадцати он должен был вернуться обратно в офис наверняка. Если всё так и будет, то его, вероятно, опять пошлют за обедами. Лучше было бы, если он возвратится после двух. Тогда и до конца рабочего дня останется совсем немного дотерпеть. Одинцов решил не торопиться: по дороге зайти в какой-нибудь музей, побродить по книжным магазинам или сходить на киносеанс.

В половине одиннадцатого Наталья начала волноваться. По её грубым подсчётам Одинцов должен был давно уже добраться до места назначения. Жаль, что у этого типа не было сотового телефона, и с ним никак нельзя было связаться. Наталья никак не могла справиться с волнением, и это мешало сосредоточиться на работе. Что она собиралась сделать? Сходить в отдел поставок и забрать прайсы с ценами на новые товары. Нет. Что-то другое. Вспомнила.

Наталья взяла трубку телефона и набрала номер отдела поставок.

– «Империя спорта» отдел распространения.

– Это Краснова. Вы отправили в Новосибирск футбольные мячи и тренажёры?

– Нет.

– Почему?

– Проблемы с транспортом.

– А кто должен их решать?

– Мы решаем.

– Долго решаете. Из-за таких как вы фирма теряет клиентов.

– На этой неделе обязательно отправим этот заказ.

– Даю вам два дня, сегодня или завтра вопрос должен быть решён.

Почему, чтобы чего-то добиться приходится быть жёсткой? Пока не надавишь, как следует, никто не зашевелится. Может быть и с Одинцовым следовало вести себя подобным образом? Не слишком ли либерально она себя с ним держала? Где только носит этого обормота? Впрочем, не исключено, что он ещё не добрался до «Козерога», или узнал, что никакого «Козерога» не существует, и повернул назад; в этом случае он будет в офисе не раньше, чем через час, если не позднее. Надо успокоиться, взять себя в руки. Но разве можно быть спокойной, когда на тебя неожиданно, как снег на голову, сваливается наследство от неведомого дядюшки?

Прошло более получаса. Наталья уже не могла думать о работе. По всем раскладам получалось, что Одинцов не нашёл никакого «Козерога» и возвращается. Не мог же он добраться

до Филей дольше двух часов. Ну, пускай он затратил на метро минут тридцать или даже сорок, пускай двадцать минут ехал на автобусе, десять минут ждал автобус. Нет два часа это слишком. А вдруг он заснул в метро и катается по кольцевой ветке или уехал в депо по радиальной? Нет, всё, хватит думать об этом, так можно и с ума сойти. Очевидно, что это розыгрыш, с наследством вышел облом, и с этим нужно смириться. Впрочем, она ни на что и не надеялась; она изначально предполагала, что за всем этим стоит чья-то глупая шутка. И зачем ей нужно это наследство? У неё и так всё есть: деньги, работа, квартира, машина. И всё равно на душе было не спокойно. Она достала из ящика стола пачку сигарет, бросила на стол, достала сигарету и закурила.

Зазвонил телефон.

– Наталья Николаевна, – это была Леночка.

– Да.

– Углицкий обыскался Одинцова.

– Что-то важное?

– Да, он требует, чтобы Одинцов немедленно покормил его хомячков.

– А ты, что сказала Углицкому?

– Сказала, что вы его вызывали, и после этого в офисе его никто не видел.

Прекрасно, значит, Одинцов никому ничего не сказал. Это хорошо.

– Если Углицкий будет снова спрашивать Одинцова, скажите ему, что я послала его на почту, разослать проспекты с рекламой по регионам.

– Хорошо Наталья Николаевна.

У Николая Ефимовича Углицкого, хозяина «Империи спорота» была необычная слабость, вызывающая порой умиление у плохо знающих его людей – хомячки. Играя с хомячками, Углицкий обычно успокаивал нервы и отдыхал душой. Хомячков он любил больше, чем людей.

Никакого наследства не существует.

Наталья встала из-за стола, подошла к овальному зеркалу, висевшему на стене, и стала разглядывать себя. Каждая женщина мечтает быть красивой. Ей не нужно было об этом мечтать. Ей завидовали и злорадствовали, радуясь её неудачам в личной жизни. Злые языки распространяли слухи о её несуществующей связи с Углицким. Почему ей не везло в любви? Трудно найти себе равного по уму и положению? Может быть. А может быть, она слишком резко ведёт себя с мужчинами? Да, этого у неё не отнять; если кто-то или что-то ей не нравится, она сразу даёт об этом понять, без всяких дипломатических изворотов, уворотов. Может быть, у неё завышенные требования к партнёру и слишком высокая самооценка? Насчёт самооценки она считала, что у неё всё в порядке. Ведь она полагала, что она умеет трезво смотреть на реальность, иначе она бы не стала тем, кем стала. А насчёт завышенных требований к мужчинам, почему они должны быть заниженными? Без чувств никакая связь не может быть счастливой. Стоит ли связывать свою судьбу с кем попало, лишь бы к старости не остаться одинокой? Она стала к зеркалу боком. В таком ракурсе она смотрелась ещё привлекательнее и заманчивее. Она положила ладонь на заднюю часть бедра, и провела ладонью вверх по бедру и ещё выше. Зачем она это делала? После этого она почувствовала сильный прилив любовной страсти, разлившийся тёплыми волнами по всему телу. В такие минуты ей всегда хотелось отдать себя всю овладевшей ей страсти, чтобы потом дойти до полной потери контроля над собой, и почувствовать приятный взрыв где-то внизу живота, после которого тело будто разлетается на мелкие частички, и потом медленно собирается обратно в единое целое. Она уже не помнила, когда последний раз испытывала подобное. Она отдавала всю себя работе, и это помогало не думать о чувственной разрядке; но иногда её посещали причудливые фантазии и нескромные, даже бесстыжие мысли. Тогда ей хотелось хоть как-нибудь дать выход нахлынувшей страсти, чтобы поскорее забыть об этом наваждении. Она подумала, что, если не остановится, то дело может

дойти до любовных фантазий, и приказала себе не фантазировать. Она прошла по кабинету. И чего это на неё нашло? С чего бы это всё? Определённо эта история с наследством действует на неё парадоксальным образом. Где же этот обормот Одинцов?

Зазвонил телефон.

Наталья бросилась к столу и схватила трубку.

– Привет, – это был Мурлыкин, заместитель Углицкого. – Я по поводу аренды, шеф хочет, чтобы ты сходила к Старожилову, и узнала, что конкретно он хочет.

– Почему я? Обычно арендой занимаешься ты.

– Я не знаю, почему Углицкий решил поручить это тебе? Я только, что от него. Он меня попросил тебе передать тебе то, что я передал.

– А почему он не поручил мне это лично или по телефону?

– Не знаю, мне кажется, он находится не в лучшем расположении духа, мне он даже показался злым. С чего бы это?

– С ним такое бывает. А когда нужно идти к Старожилову, он сказал?

– Кажется, нет.

– У тебя есть телефон Старожилова?

– Нет.

– Ладно, придётся идти к нему на поклон без предварительных уведомлений.

– А ты спроси его телефон у Леночки.

– И в самом деле, как я до этого сразу не додумалась? Совсем плохая стала.

– Надо расслабляться, как следует время от времени.

Хорошая мысль, да попробуй тут расслабься.

– Или может быть, у тебя случилось что-нибудь? Какая-то ты возбуждённая.

Случилось? Может быть, Мурлыкин как раз и стоит за розыгрышем с наследством и проверяет: купилась ли она на его дурацкую шутку? К тому же он назвал её возбуждённой. Он, что следит за ней? С Мурлыкиным нужно быть поосторожней, это тот ещё гусь, своего никогда не упустит.

– Ты, что замолчала то?

– Так вспомнилось кое-что.

– Надеюсь приятное.

– Это очень личное, не хотелось бы говорить об этом по телефону.

– Извини.

– Да ничего особенного, просто видимо, в самом деле, немного заработалась, голова совсем не соображает.

– Бывает. Тебе таблетку дать?

– Не надо, спасибо.

– Ну, если что звони.

У Леночки нашёлся телефон секретаря Старожилова.

Наталья уже начала набирать этот номер, но остановилась. На какое время договариваться о встрече со Старожиловым? Ей хотелось сначала дожидаться Одинцова и узнать всю правду о письме из «Козерога».

Пошёл первый час, пять минут, десять. Для Натальи было почти очевидным, что Одинцов не нашёл никакого «Козерога», и теперь возвращается обратно, как они условились. Стоило ли тогда его ждать? Можно смело записываться на приём к Старожилову. И всё же она хотела дожидаться Одинцова.

Наталья выкурила почти всю пачку сигарет.

Зазвонил телефон.

«Это Углицкий», – решила Наталья и нехотя, медленно сняла трубку.

– Наталья Николаевна, я сейчас в «Козероге», вот. Вы просили меня позвонить, когда я доберусь до этой конторы.

Одинцов звонил из «Козерога». Значит «Козерог» существует.

– Наталья Николаевна, тут с вами хочет поговорить один человек, я передаю ему трубку.

– Алло. Валерий Михайлович Привалов, адвокат, я оказывал юридические услуги вашему покойному дядюшке.

– Очень приятно, мне как я понимаю, представляться не имеет смысла, – сказала Наталья. – Значит, дядюшка всё же умер? А когда похороны?

– Уже состоялись, седьмого числа.

– Что с ним случилось?

– Вы разве не читали газет?

– Нет.

– Об этом много писали.

– Я не знаю о нём ничего.

– Мы могли бы встретиться. Приезжайте сегодня в наш офис. Я расскажу вам обо всём, что нужно сделать, чтобы окончательно вступить в права на владение домом Велизара Петровича.

– Я могу освободиться только после трёх. Давайте встретимся завтра.

– Завтра? А что, если после трёх мы всё же встретимся. И давайте, чтобы не тратить зря времени, я вам покажу дом вашего дядюшки. Я могу отвезти вас. За городом все дела и обсудим.

– Я предпочла бы ехать на своей машине. Лучше назначьте место встречи.

– Хорошо, я буду вас ждать на двадцать пятом километре Рижского шоссе. Я поставлю машину на обочине и стану рядом.

Привалов назвал марку и цвет своей машины, описал свою внешность, и сказал, во что будет одет.

Наследство существует!

Так. Теперь нужно заняться вопросом аренды. Наталья связалась по телефону с секретарём Старожилова, и попросила записать её на приём. Секретарь сказала, что Старожилов примет её в два часа.

В два часа Наталья стояла в приёмной Старожилова.

Секретарь, миниатюрная брюнетка, связалась со своим шефом по телефону, включив громкую связь:

– Антон Алексеевич, к вам посетитель – Наталья Николаевна Краснова.

– Женщина?

– Да, менеджер одного из отделов «Империи спорта».

– Вот как. Пусть заходит.

Наталья вошла.

Старожилов сидел за столом и читал газету. Это был среднего роста, некрасивый мужчина пятидесяти лет от роду, на голове его блестела лысина, модные очки ему явно не шли.

– Углицкий решил пустить в ход тяжёлую артиллерию. – Старожилов сложил и отложил в сторону газету.

– Антон Алексеевич, можно я сяду?

– Пожалуйста. – Углицкий указал рукой на кресло, находившееся напротив него, по другую сторону стола.

Наталья села в кресло, и положила тоненькую папку, с которой она пришла, на стол.

– Что это? – спросил Старожилов.

– Здесь старые договоры об аренде. В последнем договоре, между прочим, есть пункт, в котором написано, что в будущем при заключении новых договоров, ваша сторона обязуется не поднимать плату за аренду выше пятнадцати процентов; а вы хотите поднять на тридцать.

Старожилов криво улыбнулся, встал из-за стола, подошёл к окну и стал смотреть куда-то вниз.

Что-то в лице Старожилова настораживало Наталью. У него был необычно колючий взгляд и холодное выражение лица. Чутьё Наталье подсказывало, что перед ней злой человек.

– Пункт говорите. Я, кажется, что-то такое припоминаю. А ведь этот пункт сушая ерунда. – Старожилов повернулся лицом к Наталье.

– Как же ерунда, это юридический документ.

– Заметьте, в пункте говорится, что я обязываюсь не поднимать плату при заключении новых договоров; а что, если новых договоров не будет?

– Как не будет?

– Не будет и всё, не захочу я вам сдавать в аренду свои помещения. Теперь понятно? Кстати можете изучить договоры, и вы не найдёте пунктов, в которых я бы обязывался сдавать свои помещения вам в аренду. Как видите, эта моя необязанность превращает упомянутый вами пункт в ничто.

– Антон Алексеевич, а возможно ли найти более приемлемые для нашей стороны варианты? Может быть, мы совместно обдумаем условия аренды, и попытаемся придти к какому-нибудь компромиссу?

– Компромиссу?

Старожилов принял, молча, заложив руки за спину, и слегка наклонив голову, расхаживать от окна до телескопа и обратно. Потом он остановился рядом с телескопом и искоса посмотрел на Наталью.

– Компромисс говорите. Я не люблю компромиссов. Компромиссы – это для слабачков. Впрочем, бывают случаи, когда я готов поступиться своими принципами, и сейчас я близок к этому, как никогда.

Наталья облегчённо вздохнула, и напрасно.

– Вы, не могли бы придти сюда вечером, после восьми? – спросил Старожилов.

– Зачем?

– Я хочу вам кое-что показать. Вы наблюдали когда-нибудь за звёздным небом через телескоп?

– Нет.

– Приходите вечером, вы останетесь довольны.

– Это имеет отношение к компромиссу?

– Непосредственное.

– Я полагаю, вы, здесь собираетесь со мной не только на звёзды смотреть.

– Да, есть такие вещи, о которых не принято говорить вслух.

– Вы, заходите слишком далеко.

– Вы, сами предложили обговорить условия аренды, вот я вам и предлагаю свои условия.

– Мне такие условия не подходят.

– Вы, уверены? Я могу уступить десять процентов от новой прибавки.

– Я думала, Антон Алексеевич, вы приличный человек.

Наталья встала с кресла, взяла со стола папку и собиралась уходить.

– Подождите.

Старожилов подошёл к ней и взял её за руку.

– Вы такая. Знаете, а я ведь думал, что Углицкий вас нарочно послал ко мне. Приходите, после восьми, и мы просто попьём чаю, а потом посмотрим на звёзды.

– Нет.

Наталья освободила руку.

– Но почему?

– Вы – злой.

– Вы – смелая, так со мной ещё никто не разговаривал. – Старожилов криво улыбнулся. – Ну что ж, ступайте. Зря вы так со мной, я обид не прощаю и не забываю.

Неужели этот подлец Старожилов так силен, если позволяет себе так обращаться с людьми? Когда Наталья думала о банкире, её охватывал животный страх. Вернувшись в свой кабинет, она сразу позвонила Углицкому.

– Николай Ефимович, это Краснова. Я только что вернулась от Старожилова, и должна сообщить вам, что больше не могу вести с ним переговоры об аренде.

– Что ещё за детский сад, Наталья Николаевна?

– Это не детский сад. Старожилов сделал мне непристойное предложение.

– Какое предложение?

– Непристойное.

– Что это значит?

– Это означает, что он делал мне грязные намёки.

– Антон Алексеевич?

– Да.

– Что это на него нашло? Может быть, это вы его настолько очаровали, что он не смог сдерживать своих чувств?

– Я не знаю и не хочу знать, что на него нашло. Я больше не хочу его видеть.

– Ну, ну, это наша работа. Если бы, вы, знали с какими людьми приходится общаться мне.

– Я, правда, не могу, Николай Ефимович, я боюсь его.

– Да Антон – непростой человек. Вы, случайно не нагрубил ему?

– Кажется, нет.

– С ним надо поаккуратней, мы же зависим от него. Представляете, что будет, если нам придётся съезжать отсюда в другое место? С Антоном нам нельзя ссориться. Надеюсь, вы, понимаете это?

На что он намекает? Надо хоть что-нибудь ответить.

– Понимаю.

Наталья положила трубку.

Был ли это момент истины? Углицкий всё прекрасно знал заранее? И Старожилов что-то говорил там о тяжёлой артиллерии. Не зря говорят об Углицком, что он своих хомячков любит больше, чем людей. Люди для него – это фигуры, которыми он распоряжается по своему усмотрению, ради своей выгоды. И должность начальника отдела – это всего лишь одна из комбинаций Углицкого? Комбинация с прицелом на будущее? Выходит, что её способности, её знания, её труд не имеют никакого значения? Она – фигура, возможно и не мелкая, но всё равно фигура, которая долго не знала об этом. Стоп. Фигура ещё может не захотеть быть использованной, не дать себя использовать. Она непростая фигура. Она ещё может сама заставить тех, кто хочет использовать её, сделать что-нибудь для неё. Ведь она им необходима. Необходима то необходима, только для определённого дела.

Наталья заплакала.

К ней могли придти или позвонить, и она постаралась взять себя в руки. И потом она совсем забыла о наследстве от какого-то неизвестного троюродного дядюшки. Наталья вытерла платком лицо, и начала перебирать в голове текущие дела, которыми следовало заняться в первую очередь.

Нужна ли вообще кому-нибудь её управленческая деятельность? На неё вновь напала апатия, и она не могла думать о делах. Она закурила, мысленно послав всё и всех очень далеко.

В дверь кто-то постучался.

– Да, – сказала Наталья.

– Можно.

В кабинет вошёл Одинцов, в руке у него был маленький букетик полевых цветов.

«Неужели это мне?» – подумала Наталья.

– Это вам.

Одинцов положил букетик на стол перед Натальей.

– С чего это вы?

– От души и от желания сделать вам что-нибудь приятное.

– Спасибо.

Наталья затушила окурок в пепельнице.

– Кстати, Одинцов, почему вы так долго отсутствовали?

– Понимаете, по дороге в «Козерог» на моём пути повстречалась женщина, которой стало плохо, и мне как честному человеку пришлось потратить время на её доставку в больницу.

– А вы оказывается Одинцов – честный человек.

– Стараюсь таковым быть по мере сил.

– Это занимательно, и как же женщина?

– Какая женщина?

– Как какая? Которой вы оказывали помощь.

– А. Здоровая, то есть, нездоровая, но врачи сказали, что скоро должна пойти на поправку.

– Эта женщина теперь вам, наверное, очень обязана. Может быть, и телефон у вас взяла?

А может быть ваша случайная встреча, выльется в нечто серьёзное? Она вам понравилась?

– Вы лучше.

– Не сомневаюсь, а вы Одинцов – дурак. Ступайте. Да и можете забрать этот букет и подарить спасённой вами женщине; ей он сейчас как мне кажется намного нужнее, чем мне.

Одинцов направился было к столу, чтобы забрать букет, но передумал и ушёл без букета.

Наталья, наверное, первый раз сожалела, что рядом с ней не было мужчины, который мог бы за неё заступиться, который мог бы дать отпор всем этим самовлюблённым кретинам, не умеющим нормально ухаживать за женщиной. А Одинцов, каков? Моет полы и туалеты, и после этого не стесняется, не боится клеиться к начальнику отдела фирмы. Может быть, она каким-то образом дала ему повод для надежды? Ничего такого Наталья не смогла припомнить. Что ж видимо Одинцовым двигала природная наглость. Впрочем, нельзя быть слишком грубой с мужчинами, даже, если они позволяют себе порой непозволительное; так можно остаться одинокой навсегда. Иногда Наталья боялась одиночества. Может быть, нужно смотреть на недостатки мужчин сквозь пальцы? Взять хотя бы Старожилова. Что, если он на самом деле невероятный любовник? Нет, Старожилов был ей слишком противен. Она была для него человеком низшего сорта, и о том, что он мог с ней сделать, не хотелось даже думать. А Одинцов? Что-то в нём есть, но опять же его социальный статус оставляет желать лучшего. Она представила Одинцова рядом с собой; представила, как он пытается обнять её и поцеловать; представила, как она отталкивает Одинцова, потому что от него невыносимо разит «Жигулёвским» пивом и сушёными кальмарами по десять рублей за пакетик. Одинцов определённо не тот мужчина, который ей нужен. Мысли о мужчинах у Натальи всегда получались грустными и неприятными.

Наталья подумала о поездке за город, к дядюшкиному дому. Дядюшка погиб, а это значит, что за всем этим делом с наследством кроется какая-то тёмная история. Видимо у дядюшки были крутые враги и существует опасность, что они не оставят в покое и наследников дядюшки. Из этого следовал вывод, что одной ехать небезопасно. Её будет сопровождать Привалов, но вдруг она захочет остаться в доме ещё какое-то время. У Привалова наверняка много дел, а одной её оставаться в дядюшкином доме не хотелось. Нужно кого-нибудь взять с собой. Но кого? Среди сотрудников фирмы не было ни одного мужчины, кого она могла бы

попросить составить ей компанию в поездке за город; да и в не работы у неё не было друзей мужчин, как впрочем, и подруг. Наталья была типичной одиночкой. Когда Наталья думала о том, кого можно было взять с собой в поездку, среди прочих её мыслей, то и дело всплывала мысль об Одинцове. Она настойчиво отгоняла от себя эту мысль, считая её крайне нелепой, но потом задумалось над ней серьёзно. «А, что, есть в этом варианте определённый здравый смысл», – решила Наталья. Кто такой Одинцов? Прежде всего, он её подчинённый. И это обстоятельство позволяет обращаться с ним должным образом. Она позвонила Леночке, и попросила её найти Одинцова, и передать ему, что она ждёт его.

– Можно, – Одинцов постучался и приоткрыл дверь.

– Заходи.

Одинцов зашёл.

– Я тебе нагрубила, прости.

– Я не обиделся.

– Вот и прекрасно. Мне сегодня с утра пришлось нелегко.

– Это из-за меня?

– Нет. Хотя и из-за тебя тоже. Я тебя хотела попросить съездить вместе со мной за город.

Это просьба, так что, ты имеешь право отказаться.

– Я люблю путешествовать, и с удовольствием отправлюсь с вами за город.

– Имейте в виду, что обратно мы можем вернуться поздно.

– Я уже взрослый мальчик.

– Заметно. К пяти часам мы должны быть на двадцать пятом километре Рижского шоссе.

Наталья вела машину, а Одинцов сидел рядом.

– Ты, умеешь водить машину?

– Нет.

– И машины у него нет, и сотового телефона.

– Разве это плохо?

– Для кого как? У каждого свои запросы и цели в этой жизни.

– Вы – мудрая женщина, но несчастливая.

– Это ещё почему?

– По глазам видно. Кажется, вас что-то очень беспокоит.

– Покой бывает только на кладбище.

– Я имел в виду покой в душе.

– Вы Одинцов – философ, и пытаетесь спрятаться под этой маской, от собственной неудачливости и неумелости. Кажется, вон там, на обочине стоит Привалов.

Наталья выехала на обочину и остановилась за машиной Привалова, после чего вышла из машины.

К ней подошёл крупный, высокий, рыжий мужчина сорока двух лет от роду с грустными голубыми глазами.

– Привалов Валерий Михайлович.

– Наталья Краснова.

Привалов неуверенно пожал Наталье руку.

– Езжайте за мной. И ещё, я должен вас кое о чём предупредить. Это очень важно. Ваш дядюшка был убит четвертого октября, а сегодня уже одиннадцатое число. Попав на территорию дома вашего дядюшки, мы можем оказаться в поле зрения милиции. Так что, вы, должны быть готовы к такому повороту дел.

– Разве, вы, до сих пор не общались с милицией? Ведь, вы, как я понимаю, оказывали юридические услуги моему дяде.

– Не общался. Последней волей Велизара была его просьба не оглашать его завещания в течение недели. Как видите, я исполнил его волю.

Наталья следовала за машиной Привалова.

– Куда мы едем, мне можно знать? – спросил Одинцов.

– Мне по наследству достался дом, по завещанию троюродного дяди, которого я никогда не видела, и ничего не слышала о нём. Кроме того, дядя умер неестественной смертью, и я боюсь оставаться там одна.

Привалов свернул с Рижского шоссе вправо. Они проехали мимо маленькой деревеньки, проехали редкий лес, и выехали к элитному посёлку, расположенному на берегу озера. Привалов остановил машину около высокого дощатого забора с кирпичными столбами; вышел из машины, ключом открыл калитку, вошёл во двор и изнутри открыл ворота для въезда машин. Наталья въехала во двор, за ней проехал Привалов, который потом закрыл ворота. Впереди, чуть дальше от места, где Наталья остановила свою машину, под навесом стоял БМВ седьмой модели.

Наталья и Одинцов вышли из машины.

– Это видимо тоже достанется вам, – Привалов указал на БМВ. – Идём в дом.

Дом был двухэтажный в форме буквы «Г» с равными сторонами. По углам дома выделялись кирпичи, покрашенные в ярко-красный цвет; а стены дома были заштукатурены и выкрашены в светло-рыжий цвет.

– Здорово, – сказал Одинцов.

– У Велизара было прекрасное эстетическое чувство, – сказал Привалов.

Он открыл ключами дверь дома.

– Идёмте.

Наталья и Одинцов прошли вслед за ним.

– На первом этаже расположены: столовая, кабинет и зимний сад; на втором: гостиная, спальная и бассейн, – сказал Привалов. – Ходите, смотрите, теперь это всё принадлежит вам.

Через прихожую по лестнице Привалов провёл Наталью и Одинцова на второй этаж.

– Идём в гостиную, – сказал Привалов.

Гостиная была отделана с особым вкусом в классическом стиле.

Привалов подошёл к камину.

– Здесь и убили Велизара, – сказал он. – Скорее всего, кочергой или каким-то другим тяжёлым предметом его ударили сзади по голове. Сам я это прочитал из газет.

– За что его убили? – спросила Наталья. Она осмотрела гостиную. На стенах висело много картин, по всей видимости, дорогих. – Из-за денег?

– Трудно сказать. Велизар был президентом фонда «Доверие», он занимался правозащитными делами, и у него могло быть много врагов.

– Он был правозащитник?!

– Да.

– И у него было так много денег, что он мог себе позволить иметь такой дом?

– Он написал много книг, которые выходили у нас и за рубежом, ему платили большие гонорары.

– Как же он нашёл меня?

– К сожалению, это мне неизвестно. Я помог Велизару только оформить завещание, где впервые увидел ваше имя.

– Почему он завещал дом именно мне. У него не было больше родственников?

– Велизар был очень одинок. У него не было ни братьев, ни сестёр, ни детей, ни племянников. Он никогда не был женат.

– Странно.

– Мне всегда казалось, что Велизар очень дорожит своим одиночеством.

– Здесь есть его фотографии? Хочу узнать, как он выглядел.

– Поищите, может быть, найдёте что-нибудь. Вы теперь полноправная хозяйка этого дома. Вот возьмите ключи от дома и от калитки.

Привалов достал из кармана куртки связку ключей и протянул Наталье.

– Значит, я могу уже здесь жить и делать всё, что захочу?

– Разумеется. Возьмите это. Здесь я составил перечень документов и справок, которые вам нужно будет собрать для оформления дома. – Привалов достал из портфеля лист и положил на стол. – Это формальности, но необходимые формальности. Поэтому можете не торопиться со сбором этих бумаг, но в то же время не откладываете в долгий ящик решение этого вопроса.

– Скажите: сколько я вам буду должна за ваши услуги?

– Забудьте об этом, в память о Велизаре я готов вам оказывать свои услуги безвозмездно.

– Большое вам спасибо, Валерий Михайлович.

Привалов попрощался и уехал.

После его ухода Наталья и Одинцов долго не покидали гостиную. Они молча рассматривали картины и мебель.

Одинцов подошёл к окну и посмотрел во двор.

– Интересно, в пруду рыба есть?

Пруд располагался во внутренней части пространства образуемого между двумя обращёнными внутрь сторонами дома. Пруд просматривался, таким образом, из обеих частей дома, и почти из всех помещений. В квадратной глади пруда отражались облака и отсвет заходящего солнца.

– Решил порыбачить? – Наталья сидела на канapé, закинув ногу на ногу, и курила.

– Согласен, дурацкий вопрос. Вообще то я не поклонник рыбалки. Кстати, когда мы поедем домой?

– Попозже, я ещё хочу побыть здесь.

– Извини, но мне кажется это небезопасно.

– Небезопасно?

– Обычно дома, в которых происходят убийства, обклеивают бумажными лентами с надписями «вход запрещён»; а тело покойника обводят мелом.

– Насмотрелся фильмов.

– Может быть, ленты уже отклеили, а мел отмыли? Всё-таки неделя прошла.

– Конечно.

Наталья задумалась. И кто это отмыл мел и снял ленты? Милиция? Наталья понимала, что подозрения Одинцова не лишены логики и здравого смысла. Оказывалась, что не всё ещё в деле с наследством ясно и понятно. Первый раз в жизни Наталье так крупно повезло, и всё равно её продолжало преследовать чувство неуверенности в том, что всё это чудо не закончится также внезапно, как внезапно на неё свалилось это наследство.

Она бродила по дому, и ей казалось, что внутри её что-то меняется, что-то растёт, становится большим и сильным. Это было её внутреннее, её настоящее я. Человек, у которого есть такой дом, может не бояться таких людей, как Старожилов или Углицкий. Жаль, что кроме дома, дядюшка не оставил никаких денежных средств. Если бы к дому прилагались ещё и деньги, тогда можно было бы забыть о работе, и пожить какое то время в своё удовольствие.

Наталья исследовала столовую. В кухонных шкафах она обнаружила несколько сервизов. Все ложки и вилки были из серебра. Особенно ей понравился набор бокалов из тёмно-синего стекла. Она взяла один бокал и продолжила изучение столовой, держа его в руке.

– Красивая вещь. Но чего-то в ней явно не хватает. Думаю, что французского вина.

В столовую незаметно вошёл Одинцов.

– Кстати я уже вижу в баре кое-что подходящее, чем можно наполнить эти прекрасные бокалы, – Одинцов достал такой же бокал.

– Ты, не слишком ли расхозяйничался в чужом доме?

– Прости за наглость, но не отметить хоть как-то такое событие, как получение наследства, да ещё такого, было бы верхом занудства и жлобства.

– Я боюсь, что вино, которое здесь есть, слишком дорогое, чтобы его можно было пить, предварительно не узнав его историю.

– А я вижу уже початую бутылку. Давайте ваш бокал.

Наталья протянула свой бокал. Как показалось, Одинцову взгляд её несколько потеплел, и в нём появилась какая-то игривость. Одинцов налил вино в её бокал, а потом наполнил свой.

– За тебя и твою удачу, – сказал тост Одинцов.

Наталья осушила сразу бокал, а Одинцов смаковал напиток долгими глотками.

– Чудесная вещь, – сказал он.

– Ты странный.

– Почему?

– Я не могу понять то ли, ты, нарочно кривляешься, строя из себя рубаху-парня, то ли это твоё обычное поведение?

– Я не люблю из себя что-то строить и стараюсь быть таким, какой я есть.

– А кто ты по профессии?

– Учитель географии.

– Вот почему ты сказал, что любишь путешествовать?

– Да. Хотя это трудно назвать путешествием. К сожалению, времена путешественников и первооткрывателей прошли. Я видимо родился слишком поздно.

– А когда бы ты хотел родиться?

– Во времена Колумба, конкистадоров, Марко Пола.

– А ты – романтик.

– Это недостаток?

– Не знаю.

По дому прокатилась трель колокольчика. Наталья вздрогнула.

– Что это?

– Кажется, это звонок, – сказал Одинцов.

– Кто-то пришёл?! Кто это может быть? Милиция? Или бандиты?! Я боюсь. Юрист говорил, что милиция не знает о том, что наследство дяди досталось мне.

– Я пойду, открою.

– Иди, только будь осторожен.

Наталья поднялась на второй этаж, в гостиную, и из окна наблюдала, как Одинцов шёл по направлению к металлической двери-калитки. Одинцов остановился у калитки, видимо что-то спросил, а потом открыл дверь, которая была не закрыта ни на ключ, ни на щеколду. За ушедшим Приваловым дверь никто не закрывал. Во двор прошла женщина в белом пальто и голубом берете. Одинцов провёл её в дом. В прихожей он помог ей снять пальто.

– Эта женщина знала вашего дядю и говорит, что хочет сообщить что-то важное, – сказал Одинцов, спустившейся по лестнице Наталье.

– Покоева Ирина, – представилась гостя.

Это была женщина пятидесяти двух лет от роду с желтоватым лицом.

– Наталья.

– Это как я понимаю ваш муж, – Покоева кивнула в сторону Одинцова.

– Нет.

– А вы как я поняла наследница Велизара Петровича.

– Да.

– Как это мило. Я не сомневалась, что наследство Велизара достанется хорошему человеку.

– Мы разве знакомы?

– Нет, но я научилась определять людей с первого взгляда, мне уже немало лет, милочка. Наталья пригласила Покоеву в гостиную.

– Велизар тоже обычно здесь принимал гостей, – сказала Покоева, усаживаясь на канapé. Наталья села рядом с ней.

– Не хотите ли вина? – спросил Одинцов.

– Нет, нет, я не пью, – отказалась Покоева.

– А Наталья Николаевна?

– Нет. Впрочем, да, неси вино и бокалы.

Одинцов вернулся с бутылкой и бокалами, разлил вино и уселся на стуле рядом со столом, расположенным посреди гостиной.

– Вас наверняка интересует, кто совершил это дерзкое преступление? Так вот мне это давно известно, – сказала Покоева и посмотрела важно и с любопытством в глаза Натальи, будто, ожидая от неё бурной реакции на её слова.

– Кто же это? – спокойно спросила Наталья.

– Сенатор Выкрутасов.

– Кто это такой?

– Вы, не смотрите телевизор или он и вас запугал?

– Я ничего не знаю об этом человеке.

– Я должна вам верить, иного выхода у меня нет. Выкрутасов – это редкостный прохвост и негодяй. Велизар занимался делами людей, пострадавших от козней этого мерзавца.

– Почему бы, не сообщить об этом в милицию?

– О чём вы говорите? Какая милиция? Да Выкрутасов на дружеской ноге знаете, с какими людьми находится? К тому же нужны доказательства, а этот подонок наверняка всё устроил через десятые руки. К нему так просто не подступишься. Бойтесь этого человека, он ради своих низких целей не остановится ни перед чем.

– Вы пришли сюда, чтобы рассказать о Выкрутасове?

– Нет не из-за этого, ноги сами меня привели сюда, для меня Велизар всё ещё жив.

– А я даже не знаю, как он выглядел?

– Что, вы, говорите? Как же такое могло случиться?

– Меня только сегодня известили, о том, что Велизар Петрович оставил мне в наследство этот дом. Я его троюродная племянница, о чём узнала также только сегодня.

– Да у Велизара практически не было родственников, он был очень одинок, но никогда не жаловался на это. Дом, этот дом был смыслом его существования в последнее время. Поэтому только дом он передал наследникам, боясь, что самое дорогое, что у него, было, достанется чужим людям, а все свои средства завещал благотворительным организациям.

– Наверное, он был очень добр?

– Он был сложным человеком, и когда я с ним общалась последний раз два месяца назад, я поняла, что он совершенно разочаровался в людях и в жизни. Он говорил, что деньги не приносят счастья, поэтому их нельзя передавать близким или любимым людям.

– Видимо дядя никогда остро не нуждался.

– Напрасно, вы, так думаете, Велизар поднимался от самых низов, долго поднимался.

– К сожалению, я ничего о нём не знаю.

– Я, пожалуй, пойду.

Одинцов проводил Покоеву до калитки.

– Берегите её, – сказала Покоева Одинцову, прежде чем тот, ничего не ответив, закрыл за ней калитку.

Одинцов вернулся в дом, поднялся в гостиную. Наталья смотрела телевизор с плоским плазменным экраном висевший на стене.

- Когда поедem домой? – спросил Одинцов.
- Ой, мне здесь так нравится, что не хочется никуда уезжать.
На улице стемнело.
- Есть что-то захотелось, – сказала Наталья.
- Я тоже проголодался. В холодильнике, кажется есть какие-то консервы. Давай их откроем, – предложил Одинцов.
- Нет, лучше поужинаем дома.
Неожиданно благодушное выражение лица Натальи стало встревоженным.
- Боже! Что я наделала?!
- Что случилось? – Собравшийся идти на кухню Одинцов остановился у двери гостиной.
- Как мы поедem домой? Зачем мы пили это дурацкое вино? Это всё ты!
- Мы выпили совсем немного. По тебе даже не заметно, что ты пила.
- А, если меня остановят гаишники?
- Гаишникам можно заплатить.
- Можно. Но... Но я боюсь садиться за руль в таком состоянии.
- Тебя дома ждёт кто-нибудь?
- Нет.
- Тогда мы можем заночевать здесь.
- Мы?
- Я надеюсь, ты не прогонишь меня на ночь глядя. Ведь ты же сама хотела, чтобы я поехал сюда с тобой.
- Нет, разумеется. Я не об этом подумала.
- А о чём?
- Наталье показалось, что Одинцов посмотрел на неё нагло, даже с каким-то чувством превосходства, и она отвела взгляд в сторону.
- Не важно. Иди, открывай консервы.
- Значит мы остаёмся?
- Да. Ты ляжешь где-нибудь на первом этаже.
Одинцов вернулся в гостиную с консервами и бутылкой вина.
- Мы эту ещё не допили, – сказала Наталья.
- Там осталось на один бокал.
- А, вы, случайно не пьяница?
- Нет. Просто мне кажется, без вина этот вечер будет слишком скучным.
- У тебя есть идеи сделать его весёлым?
- Имеются кое-какие мыслишки.
- Какие же?
- Не стоит торопиться, иначе может ничего не получиться из того, что я задумал.
- Надеюсь, ты не задумал ничего неприличного?
- Тебе должно понравиться.
- Не люблю, когда говорят загадками.
- Обещаю ничего не делать против твоего желания.
- Смотри у меня.
Через час вторая бутылка вина почти закончилась.
- Я кажется, порядочно захмелела, – сказала Наталья. – Мне хочется спать.
- Ты обычно рано ложишься спать?
- Да.
- А я полуночник. Слушай, давай разожжём камин.
- Не надо.
- Давай. Я сбегая, поищу во дворе дрова.

– Ладно, только потом не забудь закрыть дверь, а то мне здесь страшно.

Одинцов принёс дрова и затопил камин, предварительно выключив в гостиной свет. Потом он перетащил ковёр, лежавший около окна, к камину.

– Ты, что делаешь? – спросила Наталья.

Одинцов налил в два бокала вино, подошёл к камину и сел на ковёр.

– Иди сюда, – позвал он Наталью.

Наталья села рядом с ним. Одинцов протянул ей бокал.

– За этот вечер, – сказал он тост.

Наталья сделала небольшой глоток, а Одинцов осушил сразу весь бокал, поставил бокал на пол и стал смотреть на огонь.

– А ты преподавал в школе?

– Да, недолго.

– Бросил школу, потому что мало платили?

– Нет.

– Соблазнил какую-нибудь ученицу и угодил в тюрьму?

Одинцов чуть усмехнулся.

– Просто я перестал видеть смысл в том, чем занимался.

– А в том, чем ты сейчас занимаешься, получается есть смысл?

– Нет конечно. Смысла нет вообще ни в чём.

– С такими мыслями проще повеситься.

– Для кого как. По-моему жить без смысла даже очень замечательно и легко.

– Ты был женат?

– Однажды.

– И дети есть?

– Нет.

– Эх, а мне сейчас почему-то захотелось в школу. Как было хорошо в школе. Расскажи что-нибудь из географии, только весёлое и интересное. Интересно, каким ты был учителем: занудным или любимчиком учеников?

– Могу преподать тебе урок.

– Географии?

– Любви.

Наталья усмехнулась.

– Ты, частенько практикуешь подобные занятия?

– Нет. Идея и метод созрели у меня в голове пару минут назад.

Одинцов всё смотрел на огонь. У него было очень спокойное выражение лица, будто бы он говорил не о любви, а о каких-то совершенно житейских малозначимых вещах. Поведение Одинцова не вызывало опасений у Натальи. Первая мысль, которая мелькнула у неё в голове, была поставить на место расслабившегося подчинённого, но потом ей показалось, что было бы довольно забавным хотя бы немного подыграть Одинцову.

– Ты и оценку мне поставишь потом?

Вместо ответа Одинцов повернулся к Наталье. Наталья закрыла глаза. Одинцов приблизился к ней и поцеловал её в губы, которые ответили на его порыв холодом и неподвижностью.

Одинцов встал, взял Наталью за руку и потянул к себе. Держа её за руку, он подвёл её к большому зеркалу в изящной бронзовой оправе и стал сзади её.

– Ты любишь представлять себя со стороны? Любоваться своей красотой? Это не может не возбуждать, – шептал на ухо Наталье Одинцов.

Наталья вспомнила, как она утром смотрелась в зеркало, после чего её на какое-то времяхватило желание предаться любовной страсти. И опять зеркало. Странное совпадение. Может быть подсознание знало, что её ждёт и подсказывало, что произойдёт с ней в ближай-

шем будущем. А что теперь подсказывает ей подсознание? Оно подсказывает, что она пьяна, что ей легко и хорошо, и хочется, чтобы было ещё лучше.

– Разденься. Медленно. И любуйся на себя в зеркало. Не забывай также представлять себя со стороны. Для этого можно закрыть глаза, – продолжал шептать Одинцов.

Наталья хотела сказать «хватит», но смогла лишь едва шевельнуть губами, потому что Одинцов приложил указательный палец к её губам и сказал:

– Молчи. Молчи и слушай. А теперь делай то, что я тебе сказал. Ты сама этого хочешь. И не оборачивайся назад.

Наталья видела в зеркало, как Одинцов отходит назад, а потом в сторону. В зеркале осталось только её бесцветное отражение. Свет от камина почти не доходил до места, где стояла Наталья, поэтому в зеркале всё отражалось серым и его оттенками. Наталье стало немного страшно. Ей показалось, что в зеркале она видит не себя, а другое существо, видение из иного мира, призрак. Потом она сказала мысленно себе, что она и есть видение или призрак; что сейчас она находится в другом мире или измерении. Она призрак, существо, которому наплевать на всё земное, потому что она сильнее всего земного. Она находится в измерении, где можно всё. Она закрыла глаза, и ей представилось, что её ноги упираются в тёплый, почти горячий песок, и она чувствует, как плавно от ног тепло идёт вверх по всему телу. Вокруг раскачиваются похожие на тропические фантастического вида чёрные деревья, такие высокие, что не видно их верхушек; вверху вместо неба лазоревая бездна, а где-то поблизости слышится шум, похожий на шум водопада или прибой океана. Она обладает такой волей, что способна при помощи мыслей перемещаться в пространстве и времени. Но она не собирается покидать это место. Она ожидает чего-то важного, что должно произойти с мгновения на мгновение. Наконец она чувствует, как чьи-то пальцы перебирают её длинные распущенные волнистые волосы; потом чьи-то губы касаются её плеч, шеи, ушей и..., и её ноги уже не чувствуют горячий мягкий песок, она неведомым образом отрывается от земли и её уносит неведомо куда. Перед глазами мелькают жёлтые, красные и чёрные краски выдуманного её мира, пока она не ощущает спиной тёмные изумрудные волны океана, и каждая частичка её тела, соприкасающаяся с изумрудной бездной, начинает приятно вибрировать, от чего хочется погрузиться в океан ещё глубже. Так она уходит под воду и падает, падает, падает...

Наталья проснулась, когда за окнами виднелось солнце. Настенные часы показывали половину девятого. Через полчаса она должна быть на работе. Наталья выругала себя за беспечность, встала с кровати и начала одеваться. Одинцов ничем не прикрытый лежал на спине. Вид его худого нагого тела мешал Наталье, как следует собраться с мыслями. Наталье показалось, что она слышала звонок, перед тем как окончательно проснуться. Звук был похож на звонок в дверь, когда вчера приходила Покоева. Наталья посмотрела на кровать и Одинцова. Неделю с небольшим на этом ложе, наверное смотрел свои последние сны её покойный дядюшка, которого она никогда не видела и ничего о нём не знала. Наверное эти простыни, одеяло и подушки ещё хранили запахи, энергию и даже какие-то особые частицы покойного дядюшки. Всё произошло так спонтанно, так странно, что Наталья даже не помнила, как она оказалась в спальней дядюшки.

Наталья пошла в душ. В душе она отчетливо услышала звонок в дверь. Видимо ей не показалось, что звонили, когда она начала просыпаться. Наталья быстро надела нижнее белье, вбежала в спальную. Она попыталась растолкать Одинцова, но тот лишь поморщился и перевернулся на бок. Она ударила его подушкой, но её нечаянный любовник и не собирался просыпаться. А звонок в дверь звучал всё настойчивее и настойчивее, действуя на нервы. Надев брюки от костюма и рубашку Одинцова, Наталья выбежала во двор, по ходу сообразив, что в прихожей на стене был домофон, по которому можно было связаться с гостем.

Наталья открыла калитку.

– Следователь Пустоцвет, – представился невысокий мужчина в сером плаще и шляпе пятидесяти восьми лет от роду. У него были глубоко посаженные хитрые серые глаза и морщинистое лицо.

Рядом с ним стоял мужчина, брюнет, тридцати трёх лет от роду с постоянно бегающими глазами в красной спортивной куртке.

Позади этих двоих сновали ещё несколько человек около двух милицейских машин – видимо следственная бригада.

– Чем обязана? – спросила Наталья с напускной высокомерностью.

Пустоцвет лукаво улыбнулся и переглянулся со стоявшим рядом типом, который быстро изобразил на своём лице глупую ухмылку. Нетрудно было понять, что этот тип – подчинённый Пустоцвета, старающийся угождать ему по поводу и без повода из карьерных и прочих корыстных интересов.

– Ром, чем мы обязаны даме? Будь добр, объясни, – обратился к ухмыляющемуся типу Пустоцвет.

– Ну, это, как его там, короче это самое, видите ли, – замямлил Рома.

– Эх, деревенщина, наберут по объявлению, потом работай с таким контингентом как хочешь, – отчитал подчинённого Пустоцвет.

Рома быстро заморгал и виновато опустил голову.

– Видите ли, девушка, я бы даже сказал, лапушка, в этом самом домике неделю назад был убит один гражданин, между прочим хозяин этого самого строения. Поэтому очень хотелось бы узнать, что вы здесь делаете? – спросил Пустоцвет.

– Ничего.

– Точно?

– Точно.

– Так не бывает. Как правило, когда люди оказываются в домах, где неделю назад был убит известный человек, обязательно что-нибудь там делают, хоть что-то да делают. Что-то их заставляет оказаться в такого рода доме. Это может быть даже сущей ерундой. Например желание справить нужду или устроиться на ночлег, за неимением собственной крыши над головой. Впрочем, это точно не про вас, вы не производите впечатление бездомной бродяжки.

– Я не бродяжка, но действительно решила переночевать в этом доме.

– Вот как. А можно узнать, почему вы выбрали именно этот дом?

– Это мой дом.

– Разрешите, мы пройдем?

Наталья пропустила Пустоцвета и Рому во двор.

– Кстати вы не представились, – сказал Пустоцвет.

– Наталья.

Они втроём направились к дому.

– Выходит, что вы наследница Велизара Петровича? – спросил Пустоцвет.

– Да.

– А мы думали, что у Велизара нет наследников. Интересно кому пришло в голову назвать его таким дурацким именем? Кстати, а когда вы с ним познакомились?

– Я ничего не знала о нём до вчерашнего дня.

– Вы, уверены в этом?

– Абсолютно.

Наталья провела Пустоцвета и его коллегу в дядюшкин кабинет, который находился на первом этаже.

– Ром, дай мне бумагу, – попросил Пустоцвет.

Рома достал из кожаной папки чистый лист и протянул Пустоцвету. Пустоцвет передал лист Наталье.

– Напишите всё, что знаете о вашем покойном дядюшке.

– Я же сказала, что ничего о нём не знаю.

– Хорошо. Тогда напишите о том, как вы узнали о нём, точнее о факте его существования и смерти; и желательно поподробнее.

Наталья согласно кивнула головой, уселась за письменный стол и принялась писать о том, как она получила письмо из «Козерога», о телефонном разговоре с Приваловым и о встрече с ним. Закончив, Наталья отдала лист Пустоцвету. Пустоцвет, окинув быстрым взглядом наполовину исписанный лист, тут же вернул его обратно.

– Поставьте внизу дату и подпись.

Наталья выполнила просьбу и отдала лист Пустоцвету.

Пустоцвет прочитал показания от начала до конца и отдал лист Роме, который убрал бумагу в папку.

– Значит вы, Наталья Николаевна настаиваете, что ничего не знали о вашем троюродном дядюшке до утра вчерашнего дня?

– Сколько можно спрашивать одно и то же?

Пустоцвет достал из внутреннего кармана пиджака фото мужчины и показал Наталье. У мужчины было крупное лицо, короткие чёрные волосы, лысина, отрешённый и как показалось Наталье несколько злой или недовольный взгляд тёмно-карих глаз.

– Вам это знакомо?

– Кто это?

Пустоцвет усмехнулся и посмотрел на Рому.

– Ты, видел? Это у неё юмор такой.

Рома подхалимски заулыбался.

– Это ваш дядюшка – Велизар Петрович Крылов, – сказал Пустоцвет. – И нашли это фото в вашей квартире.

– В моей квартире?! Как вы могли попасть в мою квартиру?!

– Вчера нам позвонили и передали, что Привалов позвонил в Главное управление МВД Московской области о завещании Велизара. Мы сразу же нашли Велизара и ознакомились с копией завещания. Потом мы поехали на вашу квартиру, чтобы сделать в ней обыск, предварительно получив на это санкцию прокурора. И вот, в вашей квартире мы обнаружили эту фотографию.

Пустоцвет убрал фото обратно во внутренний карман пиджака.

– Как вы посмели врывать в мою квартиру без моего ведома?!

– Согласен, мы действовали несколько бестактно, но для этого имелись серьёзные причины и подозрения. Вы по-прежнему собираетесь отрицать то, что вы не были знакомы с вашим дядей ранее, когда он был ещё жив?

– Я, правда, ничего о нём не знала.

– И о завещании ничего не знали?

– Конечно не знала.

– Откуда же у вас эта фотография?

– Кто-то её подкинул, неужели не ясно.

– Зачем?

– Чтобы подставить меня.

– Зачем?

– Не знаю.

– Обыск проводился в присутствии понятых, и я могу вам предъявить протокол обыска.

– Не надо мне ничего предъявлять.

– Между прочим, мы можем привлечь вас к ответственности за дачу ложных показаний. То, что вы только что написали, не соответствует результатам обыска.

– Зачем мне вам врать?

– Как зачем? У вас был железный мотив для убийства – получение наследства, вот вы и пытаетесь состряпать себе по-быстренькому алиби.

– Разве вам Привалов не говорил, что я узнала о существовании и смерти дяди только вчера утром?

– Да, он говорил, что вы сказали, что ничего раньше не знали о Крылове; но когда мы спросили Привалова, может ли он утверждать, что вы говорили правду, он сказал, что не может, так как вас совсем не знает.

– Зачем вы устроили комедию, делая вид, что не знаете, кто я такая, когда я вам открыла калитку?

– У нас, милочка, много методов работы с подозреваемыми.

– Я подозреваемая?

– Номер один.

– Спасибо, что не обвиняемая.

– Подожди немного.

– Почему вы так уверены в моей виновности?

– У вас был мотив для убийства.

– Вы, даже не спрашиваете, что я делала в день убийства.

– Это мы уже выяснили. Вы были на работе. Сами вы лично вашего дядюшку конечно же не убивали; но заказать его убийство могли вполне. Чем быстрее вы во всём сознаетесь, тем быстрее снимете тяжкий груз со своей заблудшей души.

– Мне не в чем сознаваться.

– Я и не сомневался, что вас удастся быстро расколоть. Вы – сильная и умная женщина, но меня вам не переиграть.

– У вас же нет никаких доказательств.

– А ваши ложные показания? Вы лжёте, и нам придётся заставить вас говорить правду.

– Это фото, скорее всего вы сами подкинули. Надеюсь, из моей квартиры ничего не пропало после вашего визита.

– Мы были хорошими мальчиками и вели себя соответственно. Разве что Рома прихватил парочку ваших трусиков для своих шалостей.

Рома сделал возмущённое выражение лица.

– Шучу я, шучу. – Пустоцвет изобразил добродушную улыбку и потрепал Рому за щеку.

– Я между прочим опаздываю на работу, а вы отнимаете у меня время.

– Мы вас покинем, но ненадолго; завтра вам нужно будет явиться в областную прокуратуру для продолжения нашего разговора. Что это?

Пустоцвет поднял голову.

– Что это может быть? – Пустоцвет посмотрел на Рому.

Рома пожал плечами.

– Там кто-то есть? – Пустоцвет перевёл взгляд на Наталью.

– Да.

– Кто?

– Знакомый.

– Ром, пойдём, и мы с ним познакомимся.

Пустоцвет и Рома вышли из кабинета.

Наталья села на диван. Она была сильно потрясена происходящим, и её разум медленно начал разбираться в нелепости её положения. Неужели этот дом, это наследство – ловушка? Кто-то определённо строит против неё козни. Но кто? Разве она сделала кому-нибудь что-нибудь плохое; такое, за что можно было бы так изощрённо ей мстить. Вообще то она часто бывала резкой, а может быть даже несправедливой. Скольких человек она уволила с работы?

Сейчас это трудно вспомнить. А ведь они страдали, у них были семьи, которые надо было содержать. Потерять работу – это серьёзный стресс. Каждый человек переживает потерю работы по-разному; кто-то относится к этому спокойно, кто-то испытывает обиду, а кто-то ненависть и желание отомстить любым способом. Так это уже что-то. Очевидно, что мстителя следует искать среди тех, кого она уволила с работы. Но как мститель мог узнать про наследство, про смерть её дядюшки. Эта подстава не состоялась бы, если дядюшка не был бы убит. Зачем же мститель пошёл на убийство дядюшки? И как он вообще нашёл дядюшку? Как вышел на него? Если даже она ничего о нём не знала. Получается, что эта версия не состоятельна. Стоп. А что, если этот Крылов мне никакой не дядюшка? Просто его убедили в том, что у него есть троюродная племянница, прежде чем убить. Кстати Покоева, женщина, приходившая вчера, рассказывала о некоем сенаторе Выкрутасове – сильном человеке; Покоева наверняка знает ключ к разгадке этой хитрой подставы. Господи, какая же она дура, не догадалась взять у Покоевой телефон. Как её теперь искать? Получается, что у мстителя есть сильный друг – Выкрутасов, который помог устроить эту подставу. Да, так часто бывает, имеешь дело с каким-нибудь человеком, который вам кажется полным нулём, ничтожной личностью, обходишься с ним жёстко, а может быть и жестоко, а потом выясняется, что у того есть друг, чуть ли не олигарх. Надо обо всём этом рассказать Пустоцвету, пока он не ушёл.

Пустоцвет и Рома поднялись на второй этаж и прошли сначала в гостиную. Никого там не обнаружив, они направились к спальне.

Пустоцвет открыл дверь в спальню.

– Ничего себе знакомый, – сказал он.

Одинцов начал просыпаться.

– Подъём. Одевайся, – скомандовал Пустоцвет.

– Вы, кто? – спросил Одинцов.

– Следователь Пустоцвет.

– Это фамилия или творческий псевдоним?

– А по почкам?

– По почкам не надо.

Одинцов встал с кровати.

– Где мои штаны?

– Ладно, пускай одевается и спускается вниз, проследи Ром, чтобы он не наделал глупостей. Не могу я смотреть мужской стриптиз, никогда не выносил этой пошлости.

Наталья вышла из кабинета, когда Рома и Одинцов входили в столовую.

– Мне нужно кое-что вам сказать, – обратилась она к Роме.

Из столовой вышел Пустоцвет.

– Не сейчас, я хочу поговорить с вашим знакомым один на один. Ром проследи за дамой.

Пустоцвет разговаривал с Одинцовым около пятнадцати минут.

– Уезжаем, – скомандовал он, когда вышел из столовой.

Наталья и Рома вышли из кабинета, где просидели молча, пока Пустоцвет допрашивал Одинцова.

– Я должна сказать вам что-то важное, – обратилась к Пустоцвету Наталья.

– Завтра в областной прокуратуре поговорим. Не забудьте явиться.

– Вчера сюда приходила женщина. Она сказала, что в смерти дядюшки виноват некто Выкрутасов, сенатор.

– Ничего себе некто. – Пустоцвет остановился в дверях. – Что за женщина?

– Она представилась как Покоева. К сожалению, я не додумалась взять у неё телефон.

– Как же её теперь искать. Может быть, вы всё это выдумали. Впрочем, я что-то слышал об одной сумасшедшей с такой фамилией. Давно слышал, так что могу ошибаться. До встречи. До скорой встречи, Наталья Николаевна.

Почти всю дорогу Наталья и Одинцов ехали молча. Наталья только один раз спросила Одинцова:

– О чём он тебя спрашивал?

– О наших отношениях с тобой; о том, что я делал четвёртого октября.

Наталья припарковала машину на стоянке у здания бывшего НИИ астрофизики и астродинамики. Она подумала, что ей будет неприятно, если кто-нибудь сейчас из коллег заметит её вместе с Одинцовым.

– Выходи, – сказала она.

– А ты?

Ничего не ответив, Наталья закрыла дверцу, после того как Одинцов вышел из машины.

Глава 2. Поклонник

На рабочем столе лежала записка. Наталья села за стол и принялась читать.

«Наташа.

Не знаю даже с чего начать. Я не привык разбрасываться красивыми, ничего незначащими словами налево и направо, потому что я человек дела. Я полюбил вас с первых минут нашего знакомства. Подобное со мной случилось впервые. Впервые я не смог заснуть этой ночью, из-за того, что вы не выходили у меня из головы.

Не отвергайте меня и мою любовь. Я могу сделать вас счастливой. Могу и обязательно сделаю.

Ваш друг и поклонник Антон Алексеевич Старожилов».

Наталья положила записку рядом с большой корзиной роз, стоявшей на столе. Всего в кабинете Натальи было двенадцать корзин с розами: на полу, на предметах мебели. Старожилов обещал обязательно сделать её счастливой. А знал ли он, что для неё есть счастье? Старожилов – обыкновенный самоуверенный кретин. Он думает, что счастье – это деньги. Деньги – это конечно же хорошо. Все хотят иметь много денег, но Старожилов слишком противен и рядом с ним никакого не может быть счастья. Одна мысль о нём вызывала у Натальи блевотный рефлекс. Так что же для неё всё же значит счастье? Безусловно она желает и стремится стать богатой, богатой и свободной, независимой от таких типов как Старожилов. А что же любовь? Как и всякая женщина, она хочет любви. Но какой? Вероятно словами это невозможно выразить, любовь можно только испытывать или не испытывать. Любовь это и есть именно то дополнение, которого не хватает для полного счастья. Нет уж к Старожилову никакого влечения и чувств у неё быть не может, даже если он сделает несколько пластических операций и закончит с отличием курсы обольстителей и виртуозов обаяния. Любовь – это что-то недостижимое, вечная грёза. Но что было с ней вчера? Она испытала удовольствие и до сих пор чувствовала приятные изменения в организме. Она определённо физически чувствовала себя намного лучше, чем раньше. Появилась какая-то бодрость и уверенность в себе. Иногда любовь приносит не только радость, но и здоровье. Но почему она не могла себе признаться в том, что она любит Одинцова? Она его не любила. Она испытала любовь и любовную страсть в какой то момент, но потом это наваждение прошло. Ей нужен был другой мужчина. Если бы эти цветы подарил Одинцов.

В дверь постучали.

– Входите.

Вошёл Углицкий.

Наталья встала.

– Сидите, сидите, Наталья Николаевна.

Наталья села. Углицкий взял стул и сел сбоку от неё.

– Вот видите, какие симпатии имеет в отношении вашей персоны Антон Алексеевич, – начал Углицкий.

– Откуда вы знаете, что это от Старожилова?

– Ну. Мне положено многое знать.

Наталья не хотела говорить на эту тему и возникла пауза, которую прервал Углицкий:

– Наталья Николаевна, я хотел бы вас попросить, не столько от себя лично, сколько от всего коллектива, пожалуйста, займитесь переговорами с Антоном Алексеевичем. Он никого кроме вас не хочет видеть. Он звонил мне сегодня утром и обещал, что не тронет вас пальцем.

– Я не хочу даже это обсуждать.

– Что же нам делать? Наша фирма на краю гибели.

- Это меня не волнует.
- Как же?
- Есть вещи, на которые я не могу пойти.
- А, если я как начальник прикажу.
- Нет.
- У вас нет сердца, Наталья Николаевна.
- Возможно. Я сказала: нет.
- Боюсь, что в этом случае мне придётся в отношении вас принять некоторые меры.
- Принимайте.
- Вы не боитесь? Я же могу вас уволить.
- Прощение об увольнении по собственному желанию я могу написать хоть сейчас.
- Зачем же так торопиться? Успокойтесь. Я попытаюсь что-нибудь придумать со своей стороны, но и вы подумайте, что можете сделать полезное для нашей фирмы. Положение сами видите сложилось критическое.

Углицкий ушёл.

Старожилов со своими домогательствами прибавил головной боли Наталье. Она закурила. Мало того, что приходится ломать голову над тем, как избежать тюремного срока; так ещё этот упрямый Старожилов никак не может успокоиться. Теперь надо думать, что нужно сделать, чтобы он отстал от неё. С богатыми опасно вступать в конфликт, но не пойдёт же он на преступление, ради удовлетворения своей страсти. Если она не будет сговорчивой, её скорее всего уволят. Она столько сил и энергии отдала этой работе. Получается, что зря. Но теперь у неё есть дом. Впрочем, она пришла к выводу, что её родственная связь с Крыловым придумана тем, кто её хочет подставить. Этот человек убедил как-то Крылова, что она его троюродная племянница. Очевидно, что в этом деле замешена какая-то группа. Надо как-то действовать, те, кто мстит ей, наверняка не останутся. Но с чего начать? Обратиться в милицию? Там Пустоцвет. Можно ли доверять этому типу? Сердце подсказывало, что нет, а разум молчал. А что, если воспользоваться услугами частного детектива? Эта идея понравилась Наталье, и она скоро нашла в Интернете адреса и телефоны нескольких московских фирм, оказывающих подобного рода услуги. Она набрала номер телефона одной из фирм.

- Фирма «Персей», – ответил женский голос.
- Мне необходимы услуги частного детектива.
- Что именно вам нужно?
- Я не хотела бы говорить об этом по телефону.
- Понятно. Вы можете приехать к нам?
- А можно встретиться на нейтральной территории: где-нибудь в кафе?
- Можно, называйте место, наш человек приедет туда.
- Кафе «Н-я звезда» на Р-й улице.
- Во сколько вы хотите встретиться?
- В два часа.
- Хорошо. Опишите себя, чтобы наш человек вас узнал.

Наталья решила отпроситься с работы, так как её душевное состояние не позволяло должным образом сосредоточиться на делах, и через два с половиной часа она должна была встретиться с частным детективом. Она позвонила Углицкому.

- Николай Ефимыч, мне нужно уйти.
- Вы, всерьёз собрались увольняться?
- Не знаю. Я плохо себя чувствую.
- Кто-нибудь из сотрудников может дать вам нужные таблетки.
- У меня проблемы с милицией. Завтра мне нужно явиться в прокуратуру, и я хотела бы подготовиться к этому визиту.

– Что-то серьёзное?
– Да, кто-то хочет меня подставить.
– Зачем?
– Из мести скорее всего.
– Кто же стоит за всем этим?
– Сама хотела бы это выяснить.
– Ладно. С законом шутки плохи. Раз так, даю вам два выходных. Кстати, что мне сказать Старожилову, если он будет интересоваться вашей готовностью продолжить переговоры об аренде?

– Мне всё равно, скажите, что хотите.

А, если он скажет, что она готова вести переговоры? Надо думать, что говоришь. Душевное состояние Натальи определённо не лучшим образом действовало на её разум.

Прежде чем покинуть офис, Наталья решила просмотреть электронную почту в Интернете, свою личную и служебную. В личной почте не было ничего нового, а в служебной было четыре послания: одно от Старожилова и три от распространителей из регионов. Наталья проигнорировала послание Старожилова и сразу перешла к деловым посланиям. После просмотра каждого такого послания она делала пометки в блокноте.

Зазвонил телефон.

– Алло. – Наталья взяла трубку.
– Привет. – Это был Одинцов.
– Мы кажется сегодня уже виделись.
– И точно виделись. Чего это я?
– Влюбился наверно.
– Не наверно.
– Ну и зря.
– Почему?
– Ты – умный, должен сам понять.
– Значит у меня нет шансов?
– Почему же. Я – девочка свободная, ты мальчик тоже вроде бы ничей. Ты как мужчина должен придумать, как завоевать сердце возлюбленной.
– Разве оно ещё не завоёвано?

Наталья усмехнулась.

– С какого это перепуга. Вы – мужчины слишком многое о себе воображаете.
– Ладно, спасибо за шанс.
– Не надо благодарности, мне кажется, что он не слишком велик.
– Ты жестока.
– Если так, то это хорошая причина, чтобы не влюбляться в меня.
– Любовь часто не подвластна рассудку.
– Ладно, пока. Мне нужно уйти.
– Ты даже не дашь мне свой телефон, фея, из моих самых сладких снов.
– Если очень понадобится, можешь взять мой телефон у Леночки; но только, если очень понадобится, а не для каких-нибудь пустяков.

Наталья подумала, что Одинцов не так уж бесполезен, как она думала ранее. Стоило ему напомнить о себе, как она физически почувствовала приятную истому. Наверное тело, как и разум имеет свою память. Одинцов может ещё пригодиться, в случае; если Наталье не удастся найти достойного мужчину. А может быть, она боится признаться себе, что он ей нравится? Нет. Себе можно признаться в чём угодно, всё равно об этом при желании никто не узнают. Но кто для неё Одинцов? На этот вопрос она не могла себе ответить ясно. Как друга или любовника она его не воспринимала. Одинцов был её подчинённым, а её подчинённый не мог быть

её любовником или другом. Она не могла признаться сама себе в этой простой истине, так же, как разрушить или изменить своё мировоззрение, которое делило людей на категории.

В два часа Наталья заняла свободный столик в кафе «Н-я звезда». Это было светлое кафе, где всегда было яркое освещение, а окна-витрины выходили на старую московскую улицу. Здесь Наталья всегда могла заказать любимое мороженое, и ей нравилось, как в этом кафе готовили кофе по-турецки.

В кафе было полно народа, пустовала лишь пара столиков. То стихающий, то нарастающий шум от болтовни посетителей только сначала отвлекал, а потом по мере привыкания к нему словно исчезал где-то в глубинах сознания.

В два часа две минуты за столик к Наталье подсел высокий крепкого сложения, плечистый мужчина с короткой стрижкой тридцати девяти лет от роду в сером плаще.

– Вы Наталья?

– Да.

– Александр – частный детектив.

– Как вы узнали, что именно я вас ожидаю?

– Только вы заняли столик в два часа. До вас занимали столик только шестью минутами ранее двух часов двое мужчин мрачного вида. И ещё, вы же описали себя, когда звонили в офис.

– Надо же я и забыла про это. Выходит, вы следили за мной?

– Это моя работа. Хотя, на самом деле я просто стараюсь приходиться заранее на место встречи.

Подошёл официант.

– Что-нибудь будем заказывать?

– Мне мороженое и кофе по-турецки, – сказала Наталья.

– Мне ничего не надо, – сказал Александр.

Официант ушёл.

– Ну, рассказывайте, что вас заставило обратиться к нам за помощью?

Александр всем своим видом излучал спокойствие и уверенность, и располагал к себе.

– Не знаю, как покороче всё это рассказать, – сказала Наталья.

– Покороче не надо, чем подробнее, тем лучше; я никуда не тороплюсь.

И Наталья рассказала о неожиданном наследстве и зловещих, которые последовали после этого; также она поделилась своими предположениями о мести бывшего сотрудника.

– Это слишком крутая месть. У вас работают такие крутые сотрудники? – спросил Александр.

– У не крутого человека могут быть крутые друзья.

– Вы имеете в виду Выкрутасова?

– Конечно.

– Это не очевидно.

– Но, а как же женщина? Покоева. Я уверена, что она что-то знает.

– Да её следует поискать. У неё редкая фамилия, а люди с редкими фамилиями, как правило, отыскиваются быстро. Хотя она могла назвать не свою фамилию, ведь вы не заглядывали ей в паспорт.

Александр достал блокнот из нагрудного кармана рубашки, и что-то записал в него.

– Вы думаете, она могла солгать?

– Всё может быть.

– Скажите, вы поможете мне?

– По мере сил и возможностей.

– Я заплачу. Конечно у меня не очень много денег, но я в случае чего готова продать машину.

– Да, вы влипли в пренеприятную историю, в которой замешаны очень крупные фигуры; придётся пораскинуть, как следует мозгами, чтобы придумать, как из этого выпутаться.

– Значит, вы верите в то, что я ни в чём не виновата?

– Да. Зачем вам врать? Если вы врётё, мы узнаем об этом очень скоро. Скажите, а может быть к вам, кто-нибудь предъявлял какие-то требования?

– То есть?

– Ну, давайте предположим, что эта подстава организована для того, чтобы от вас добиться чего-то?

– Что значит чего-то?

– Какой-нибудь уступки или каких-то определённых действий с вашей стороны.

– До меня домогается один тип, но это мне кажется, не имеет никакого отношения к подставе с наследством.

– Что за тип?

– Старожилов. Это хозяин здания, в котором наша фирма арендует помещение.

– Это уже что-то.

– Но я только вчера впервые увидела его.

– Это вы. А он мог видеть вас?

– Мог.

– Вот. Почему вы с ним встретились?

– Углицкий, мой шеф распорядился, чтобы я с ним вела переговоры.

– Ага. А Углицкий знаком со Старожиловым?

– Да, но я не знаю в какой степени, партнёры они или друзья?

– Это большой роли не играет.

– Но как ни могли узнать о наследстве?

– Вы же сами сказали, что история о вашем родстве с Крыловым скорее всего кем-то нарочно придумана. Такие серьёзные люди, как Старожилов, любят придумывать сложные комбинация для достижения своих целей.

– Убить человека, ради того, чтобы добиться взаимности женщины? Как это дико!

– Скорее всего, тут одно наложилось на другое. Ваш лжедядюшка возможно уже был обречён, и его смерть решили использовать ещё для каких-то корыстных целей, до кучи.

– Как это всё сложно.

– Вам, наверное, лучше всего будет уехать из страны.

– Тем самым я только дам повод ещё больше подозревать меня в причастности к убийству Крылова. Я поняла: вы ничем не можете мне помочь.

– Я этого не говорил.

– Но именно такой вывод напрашивается.

– Подождите. Я всего лишь пытаюсь понять логику событий, и заметьте, делаю это открыто.

– Что же мне делать?

– Самое главное вести себя аккуратно со Старожиловым и вашим начальником.

– Вы уверены, что мои злоключения – это их рук дело?

– Не на сто конечно процентов, но чутьё мне подсказывает, что за всей этой хитроумной комбинацией стоят именно они.

– Вы не хотите связываться с такими типами?

– Не хотелось бы, но попробую. Зло должно наказываться, хотя бы время от времени, иначе жить в этом мире станет совсем невыносимо.

– Что вы собираетесь делать?

– Для начала наведу справки об этих типах, а дальше уже, когда появится хоть какая-то информация можно будет думать о том, как вывести этих негодяев на чистую воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.